

гневе даже приказал приковать к пушке наказного прилуцкого полковника Ивана Носа и отправил к Мазепе письмо с информацией о событиях и поведении казаков. Письмо, однако, до Мазепы не дошло, поскольку было перехвачено солдатами Меншикова.

Здесь нужно учитывать то, что между мазепинскими казаками и сердюками всегда были неприязненные отношения. Сердюки – это пешие наемные "товарищества", набиравшиеся, в основном, из казаков польского Правобережья, из поляков и выходцев из Бессарабии. На службу в сердюки не принимались украинские селяне и казаки Левобережья, которые числились в местных полках. Сердюки всегда находились при генеральной артиллерии. Они всегда служили также надежной опорой гетманской власти в тех случаях, когда в городских казачьих полках проявлялись бунтарские настроения.

Понятно, что сам Иван Нос не мог знать о том, что письмо оказалось у Меншикова и ожидал для себя самого плачевного исхода. Попав в такое положение, он предпринял единственно возможный шаг: послал верного казака – некоего Соломаху – сообщить Меншикову, что казаки в Батурине готовы впустить князя. Скорее всего, Соломаха сообщил Меншикову о расположении войск в крепости, в частности, где будут находиться прилуцкие казаки во время штурма. Ни о каком тайном ходе не могло быть и речи, поскольку функции охраны крепости осуществляли те же сердюки. Трудно себе представить, что тысячи солдат Меншикова могли безшумно пройти в крепость, имеющую, в общем-то, небольшие размеры.

Прежде всего, Меншиков задумал ложный маневр, разместив против северного угла стен крепости 200 калмыков. Он приказал им ночью перед штурмом поднять ложную тревогу, "дабы оные пред штурмом тревогу и крик и стрельбу учинили". По замыслу князя этот маневр должен был оттянуть силы гарнизона от настоящего места штурма. Начать же наступление предполагалось одновременно с двух сторон: с правой стороны возле конотопских ворот (генерал-майор Г.С. Волконский) и со стороны